23.4.96.

Мошковская Эмма

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА» 23 апреля 1996 года, 6-я стр.

ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ

Моск. правда. – 1996. – 23 апр. – С. 6.

Телеграмма с того света

С о дня смерти Эммы Мошковской (1926-1981) прошло пятнадцать лет. И никто за эти годы о ней не вспомнил. Ее однотомник в «Золотой библиотеке» дошел до типографии и вернулся обратно в развалившееся издательство «Детская литература». Ее читатели выросли и скорее всего читают другие книги. Но нельзя поручиться, что вдруг у кого-нибудь в памяти не всплывет строчка: «Жил на свете один человечек...» Этот человечек решил построить дом. Строительство начал странно: с крыльца. Крыльцо казалось ему самой важной частью дома: он уже видел, как на крыльцо поднимаются гости. Из этого ясно, что человечек был поэтом. И значит, строил дом поэта.

И сложил он сначала крылечко,
Чтобы каждый войти к нему мог.

Тут строительство пришлось прервать: на крыльцо был израсходован весь строительный материал.

К сожаленью, тому человечку
Не хватило на двери досок.

Человечек огорчался недолго. Он верил, что жизнь все равно прекрасна. Человечек не ошибался.

Небо крышу ему подарило,
И стеной был кудрявый лесок,
Ничего, что ему не хватило,
Не хватило на стены досок!
По утрам к нему солнце входило,
Выпивало росистый квасок,
Хорошо, что ему не хватило,
Не хватило на стены досок!

После солнечного визита настроение совершенно исправилось: «ничего» превратилось в «хорошо».

«Солнышко красно, гори-гори ясно!» - веками выкликивали русские дети. А однажды Маяковский, совершая неслыханный поступок, пригласил солнце в гости. Солнце, чувствуя себя не в своей тарелке, пришло, перевело дух и, освоившись, сказало басом: «Ты звал меня? Чаи гони, гони, поэт, варенье!» Ничего не попишешь, надо было подавать чай.

Когда можешь угостить чаем или квасом солнышко, огорчения проходят. А человечка Мошковской навещало не только солнце. Даже майский жук заглянул.

Всем известно: дом - это гнездо, семья, память детства и родина. «Дон, Дон, а лучше дом», - говорит поэт - народ. Или еще так: «Дома и солома съедома». Рифмуя личный порог со всеми дорогами в мире, Максимилиан Волошин приглашал в Дом поэта: «Дверь отперта. Переступи порог. Мой дом раскрыт навстречу всех дорог... И красный вождь, и белый офицер...» То есть поэзия выше политики. Продолжая поэтическую традицию, Мошковская создала свой образ дома: символ бескорыстия, любви к живому, дом-крылечко. Крыша у этого дома - небо, а стена - лесок. Мотив непрактичности, неделовитости романтичен и придает его жильцу особое обаяние. Трудно удержаться, чтоб не сказать: это обаяние Эммы. Она была застенчиво-чистым энтузиастом бескорыстия и дружбы. И работала в поэзии для того, чтоб в жизни стало побольше бескорыстия. Чтоб моль не съела вежливые слова, которыми полна копилка народная. Чтоб мы не разучились быть на стороне слабых, брошенных, обиженных. Попавших в беду. Всех их готов пожалеть и приютить дом Мошковской. «Дом построили для всех» - так называется одна из ее книг.

Эмма Мошковская родилась в Москве; ее первые детские впечатления - комната в коммуналке «в маленьком доме возле Арбата, где тесновато, где небогато...» Росла в атмосфере сердечного тепла. В семье гордились братом матери Я.Д.Мошковским: летчик-парашютист, он участвовал в перелете на Северный полюс, высаживал на льдину Папанина. Эмма училась музыке; окончила Гнесинский институт; стала оперно-камерной певицей, работала на Севере. С шутливых эпиграмм на сослуживцев началось ее литературное творчество. А стихи для детей получились, по ее словам, потому, что где-то в своем детстве не доиграла. С 1962 года, привеченная в издательстве «Детский мир» («Малыш») Юрием Тимофеевым, Мошковская начала издавать разноцветные брошюры. «Я была редактором первых книжек Мошковской, - вспоминает Элеонора Степченко. - Стихи Эмма приносила в авоське, стихов была тьма-тьмущая. Слова, разбитые по слогам, как в нотах. Экспансивная Эмма способна была вдруг зарыдать, запеть, захохотать. Однажды она неожиданно бросилась мне на шею. Рядом был мой муж, он спросил потихоньку: «У вас все такие сумасшедшие?» В первых книжках Эммы ее ничем не искаженные ритмы: «Эй, / Тихон!/ Где ты,/ Тихон?/ - Здесь / Тихон./ Тихон/ впихан!/ Вдруг/ какая-то старушка,/ вдруг/ увидела в окошке/ двадцать восемь мчащихся,/ мчащихся/ учащихся!» Ее голос узнаваем. За ним большая филологическая культура. Помню, как в Доме детской книги читали молодые - Токмакова, Сапгир, по-моему, Холин. На встрече присутствовала Барто. Эмма читала с огромной искренностью, произвела впечатление. Ждали, что скажет Барто. Но Барто про нее не обмолвилась. Ни слова. Эмма не удержалась, подошла: «А что вы скажете про меня?» Барто сухо ответила: «Я вас не знаю». Эмма изменилась в лице. Она была обескуражена...»

Добавлю о Барто к записанному мною воспоминанию. Это рассказала Марина Шистовская, юристка, служившая в СП. Ее родственник, директор зоопарка, еще до войны пришел к Барто со стихами о животных. «Не советую вам этим заниматься, - сказала Барто. - Мы с Сережей (читатель догадается, о ком речь) в детскую поэзию никого не пустим».

Не все сделанное Мошковской одинаково хорошо. Подчас ее подводили интуиция, вкус. Но расчетливая холодность была ей неизвестна. «...Когда пишу для детей, то это я пишу для себя, - сказала Мошковская, давая интервью 11 сентября 1971 года. - Счастливое совпадение, что это нравится детям. Главное в творчестве, по-моему, искренность». Дети-читатели и поддержали Эмму: она имела успех, с которым были вынуждены считаться литературные «старики». Восьмидесятилетний Чуковский отозвался о ней с похвалой. Подлинную, а не наигранную веселость отметил Маршак.

Мошковская работала в поэзии не слишком долго. После тяжелой болезни, не дожив до старушечьего возраста, она умерла.

Ее любимый герой - дворовый воробышек: «...А кошки с когтями! Мальчишки - с камнями! А мама его пускает одного! А он летит, не плачет, врагов своих дурачит! И мама его пускает одного!» Сама Эмма страдала от одиночества. Может, и мясорубка войны виновата, что она была одинокой. Она предлагала свою дружбу зеленой ветке: «Веточка, хочешь в мой дом?.. Хочешь, вдвоем расцветем?» После ее смерти квартира на Парковой, домик на подмосковных сотках роковым образом достались чужим, совершенно посторонним людям. И поздняя книга «Лес моего детства», стихи не для детей, осталась неизданной: когда Мошковская принесла ее во взрослое издательство, то не нашла там понимания. Но кто прочтет эти стихи, станет богаче. Так пусть же дойдет

Телеграмма от поэта:
от - души. Не от руки...
Телеграмма с того света:
«Напечатайте стихи!»

Владимир ПРИХОДЬКО.